

Е. И. Бобко

**ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
М. АЛДАНОВА (на материале повести «Десятая симфония»)**

*Работа представлена кафедрой русской литературы XX века
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. И. Ванюков*

Статья представляет собой содержательное аналитическое исследование избранной проблемы. Предпринятое осмысление концепции времени позволяет определить особенности поэтики М. Алданова, концептуально значимые для понимания историософской проблематики произве-

дений писателя, а также осмыслить творчество автора в контексте научно-исторических и художественных исканий XX в.

The article represents informative analytical research on artistic time in M. Aldanov's works. Comprehension of the time concept undertaken in the article allows to define the particular features of M. Aldanov's poetics that are conceptually important for understanding historical and philosophical problems of his works. Moreover, it enables to comprehend the author's creative work in the context of scientific-historical and artistic searches of the 20th century.

М. Слоним одним из первых указал на своеобразии художественного времени в произведениях М. Алданова: «...прошлое разворачивается как окружающая нас жизнь, века приближаются к нам, становятся осязаемыми, понятными, приобретают подлинную реальность»¹. «Сильное и непосредственное чувство времени», присущее писателю, отмечал Г. Адамович: «Во времени Алданов очерчивает целую полосу его, не ограничиваясь одной сюжетной линией»². М. Карпович в статье «Комментарии. М. Алданов и история» писал о свойственном автору «необычайно развитом чувстве истории»³. Осознаваемая и ощущаемая «преемственность времен», по мысли исследователя, организует творчество писателя в единый метатекст, в котором движение в истории и во времени двунаправлено – от настоящего к прошлому и от прошлого к настоящему: «...редко у кого связь истории с современностью ощущается с такой остротой»⁴.

Замеченные еще современниками Алданова особенности его художественно-исторического видения (в частности, принципиальная нелинейность художественного времени, обусловленная стремлением воссоздать темпоральную многоуровневость прошлого) приобретают особое значение при сопоставлении с направлениями развития исторического знания XX в. и теми концепциями, которые основаны на интеграции методов различных областей знания, на «пересечении смыслов» (синергетика, микроистория). Таким образом, Алданов оказывается не только современным историческому знанию своей эпохи, но и часто ее

опережает. Тем важнее отметить, что сам писатель в поисках приемов создания наиболее «объективного» художественного времени ориентировался прежде всего на опыт культуры (отметим особую значимость для автора творческого наследия Л. Н. Толстого).

Временная организация произведений Алданова обусловлена их историко-философской проблематикой, той динамикой, которая неизбежно возникает при преодолении шопенгауэровской коллизии между историей и философией: «В то время как история уверяет, что во всякое время было нечто иное, философия доказывает, что во все времена было и будет одно и то же»⁵. Конкретно-историческое и неизменное, временное, временное и надвременное выступают в них в неразрывной связи. Ход повествования убеждает, что приблизиться к постижению «волнующей связи времен» может лишь творческое сознание человека, наделенное способностью разделить «сущностный» и «театральный» потоки исторического бытия. В произведениях Алданова сопоставление Истории и Культуры, испытание одного другим – важнейший авторский принцип. Неизменна и временная позиция, с которой происходит это сопоставление: «большое» время Истории и Культуры испытывается «малым» временем человеческой судьбы.

Писатель отрицает провиденциальность исторического процесса, надличностные цели и смысл истории. Существование человека конечно, неизбежность смерти – то, что, по Алданову, задает направление вектора времени человеческой жизни

ни. Но ограниченность времени, трагическая ирония человеческого бытия не лишают его смысла, напротив, актуализируют насыщенность, «результативность» прожитого. Необыкновенную значимость приобретают моменты выбора жизненного поведения, которое, по мысли писателя, является и «исторически значимым»⁶. Выбор в качестве точки отсчета на «координатах большого времени» кратковременных событий «малой», «психологической» истории – проявление аксиологии автора, главная художественно-философская задача которого заключается в исследовании человека в истории и истории в человеке.

Указанные особенности художественного времени, определенные художественной философией истории М. Алданова, характерны и для его повести «Десятая симфония». Сохраняя жанровые признаки исторической повести, «Десятая симфония», по определению М. Алданова, – повесть «не философская, а точнее – символическая» (с. 447)⁷. Значение «основных символов» произведения задается автором уже в названии и примечании, по-алдановски поясняющем, аналитическом. «Десятая симфония», ненаписанное произведение Бетховена, и коллекция миниатюр Изабе – символы, в равной мере относящиеся к исторической и культурной сферам. Именно в них реализуется диалектическое сопоставление Истории и Культуры, рассмотренное через призму судеб главных героев повести: Изабе, А. К. Разумовского, Бетховена. Автор повести строит систему героев как мировоззренческую и психологическую вертикаль, которая в символическом плане находит выражение в словах Священного Писания, процитированных Алдановым в примечании: «И вот лестница стоит на земле, а верх ее касается неба» (с. 448).

Перед нами реальные исторические герои, чьи устремления и сюжетная активность связаны с различными сферами жизни и деятельности. Герои являются современниками, что позволяет увидеть их судьбы как художественно-философское осмыс-

ление Алдановым проблемы «Личность и Эпоха» в разных вариантах, исторически реализованных и художественно предполагаемых. Особенность монтажной композиции повести состоит как бы в параллельном разворачивании сюжетных линий, создающем своеобразный диалог о различных путях постижения сути человеческого и исторического бытия. «Пересечения судеб» героев связаны с событиями историческими, бытовыми, которые определяют ход внешней жизни, и культурными, приобретающими онтологическую актуальность.

Время действия повести в контексте «большой» истории четко определено: финал наполеоновской эпохи, Венский конгресс 1815 г., «одно из главных исторических представлений XIX века» (с. 449), начало Третьей империи. Однако в отличие от романов Алданова, в которых, по замечанию М. Карповича, исторические события могут приобретать кульминационное значение «не только в сюжетном, но и в эстетическом смысле... поглощая в сознании читателя все индивидуальные образы»⁸, в повести «большая» история – лишь детально, с фактической точностью выписанный фон. «Бесконечно утомленный мир» (с. 445) стремится к устойчивости, размеренности жизни, предсказуемой цикличности времени. Как показывает писатель, события политической истории утрачивают взрывной, катастрофический характер, «обытовляются». В художественном временном потоке на первый план выходит время быта как почти неизменного срединного уровня исторического бытия. Не случайно при полицентричности сюжетно-композиционной структуры повести наибольшей протяженностью во времени обладает сюжетная линия, связанная с судьбой художника Изабе, героя, наиболее прочно и органично «укрепленного» в бытовой сфере.

Фрагментарность повествования, использование приема композиционных «лакун» нарушают внешнесобытийные причинно-следственные связи, но обнаруживают подтекстовые мотивировки, актуализи-

руют символическую доминанту жанровой поэтики и выявляют особенности хронотопы «Десятой симфонии». Историческое прошлое в изображении Алданова «сложно из бесчисленных настоящих»⁹. «Событийные узлы, вокруг которых сосредоточено повествование»¹⁰, актуальны как моменты *настоящего*. Они представляют собой своеобразные точки бифуркации, моменты решений и действий, которые при кажущейся незначительности обладают проекцией в прошлое и будущее, соединяют сферы быта и бытия. Такое контрапунктное движение позволяет автору воссоздать темп эпохи, синхронизировать время «большой» и «малой» истории. Пропуская десятилетия и фиксируя мгновения, Алданов добивается композиционной «выделенности» поступка (отметим, что мысль у Алданова – тоже индивидуально-ответственный поступок). Внутренний диалог в повести – часто момент испытания Личности, определения способности к свободному, а значит, к творческому ее проявлению. Герои Алданова способны «собой открыть... нить минут, часов, дней, десятилетий наперегонки со смертью», однако они зачастую отступают перед «последней ясностью о себе и мире»¹¹.

В образе Андрея Разумовского несовпадение времени внешней («театральной») и внутренней («сущностной») жизни обнаруживается с наибольшей очевидностью. При внешней насыщенности и кажущейся созидательности – он председательствует на Венском конгрессе, женится, путешествует, отстраивает разрушенный пожаром дворец – существование героя лишено истинного наполнения. Подчиняясь потоку событий, активно участвуя в политической и

социальной жизни, Разумовский чувствует опустошенность и усталость, для него течение *настоящего* времени – это прежде всего истечение срока *его* жизни, приближение смерти. Разрыв между цикличностью исторического и бытового времени и неостановимо, каждое мгновение стремящимся к концу временем его судьбы воспринимается героем трагически. Не случайно слова, имеющие значение времени, несут для него двойной смысл: «Да, жаль было все это навсегда покинуть, – подумал он неопределенно, не то имея в виду свой дворец, не то другое – «навсегда»» (с. 460). Можно сказать, что смерть как бы по-разному «закреплена» в художественном времени героя: как «подкрадывающийся извне конец жизни» и как «непрестанно происходящее в нем умирание прошлого и настоящего»¹². Прорыв из «театрального» времени (таким является при отсутствии Поступка и время судьбы героя) во время «сущностное» возможен, по мысли автора, только через приобщение к культуре. Так, Разумовский говорит Изабе о Бетховене: «Он мой последний шанс на бессмертие. Если через сто лет люди будут иногда обо мне вспоминать, то разве только потому, что этот человек посвятил мне две своих симфонии» (с. 466–467).

Исследование художественного времени повести «Десятая симфония» выявляет один из основополагающих тезисов художественной философии автора, имеющий и историко-философскую значимость: пониманию жизни как экзистенциальной неудачи сопутствует у Алданова признание возможности самоопределения Личности в Культуре, которая «всегда организация, борьба с хаосом и небытием, с бесследным протеканием жизни»¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слоним А. Романы Алданова // Воля России. № 6. С.158–159.

² Адамович Г. М. Алданов //Одиночество и свобода: Литературно-критические статьи. СПб.,1993. С. 72.

³ Карпович М. Комментарии. М. Алданов и история // Новый журнал.1956. № 47. С. 255.

⁴ Там же. С. 256.

⁵ Эйхенбаум Б. Лев Толстой. 70-е годы. Л., 1974. С. 101.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁶ *Орловская-Бальзамо Е.* Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн // Новый мир. 1996. Июль. С. 210.

⁷ *Алданов М. А.* Десятая симфония // Алданов М. А. Сочинения: В 6 кн. М., 1995; Кн. 4. Далее ссылки на это издание с указанием страниц.

⁸ *Карпович М.* Указ. соч. С. 256.

⁹ *Ортега-и-Гассет Х.* Искусство в настоящем и прошлом // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 299.

¹⁰ *Орлова Т.* «Повесть о смерти» М. Алданова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 161.

¹¹ Там же. С. 164.

¹² *Степун Ф.* Иван Бунин // Литература русского зарубежья: Антология. М., 1990. Т. 3. С. 433.

¹³ *Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л., 1977. С. 6.